

ДАРЫ АРТАБАНА

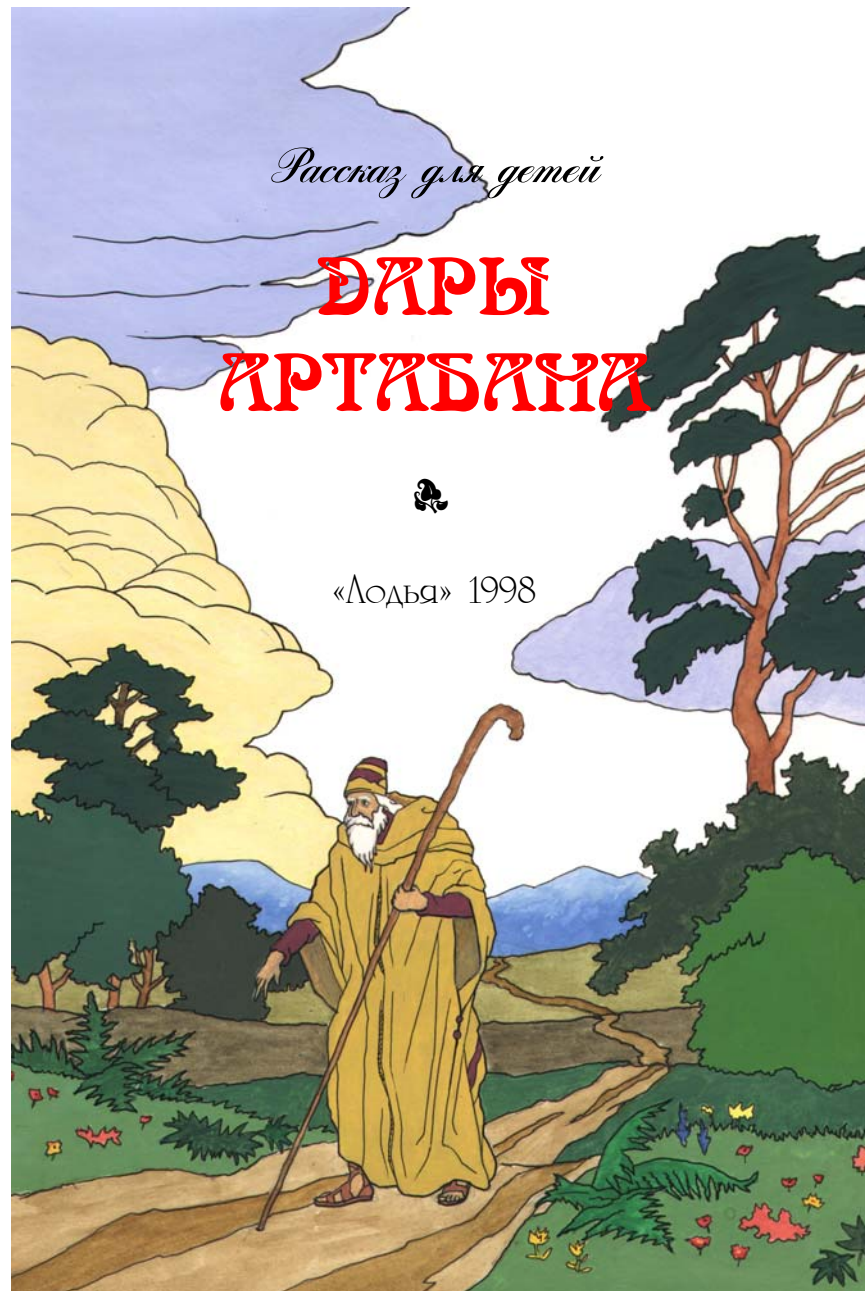


Рассказ для детей

ДАРЫ АРТАБАНА



«Лодья» 1998



Печатается по изданию: Божьи работники.: М. 1904.

От Петербургского духовного комитета печатать дозволяется.
20 января 1904 г.

Цензор: иеромонах *Александр*

Художник Алексей САЗИКОВ

ISBN 5 - 8233 - 0004 - 2

© Текст, оформление - "ЛОДЬЯ", 1998

ДАРЫ АРТАБАНА

Лицензия ЛР № 065681 от 19.02.98
Формат 60/90/16 Объем 1 п.л. Печать офсетная Тираж 15 000 экз.
Заказ №
ООО "ЛОДЬЯ". 109316, Москва, Стройковская ул. 12
АО "Молодая гвардия". 103030, Москва, Сущевская ул. 21



В дни Ирода царя, когда в убогой пещере близ Вифлеема родился Спаситель мира Иисус, в восточных странах на небе вдруг загорелась громадная, невиданная ранее звезда. Звезда сияла ярким, блестящим светом и медленно, но постоянно двигалась в одну сторону, туда, где находилась еврейская земля. Звездочеты, или, как их называли у них на родине, маги, волхвы, обратили внимание на новое светило. По их мнению, это было знамение Божие, что где-то родился давно предсказанный в еврейских книгах Великий Царь, Избавитель людей от зла, Учитель новой праведной жизни. Некоторые из них — особенно тосковавшие о Божьей правде на земле и скорбевшие, что в людях так сильно беззаконие, решили идти искать рожденного Царя, чтобы поклониться и послужить Ему. Где его найдут, точно не знали; может быть, придется ехать долго, а дороги были в ту пору опасные, так они и решили сначала в определенное время собраться всем в условном

месте, а затем общим караваном направиться по указанию звезды на поиски рожденного Великого Царя.

Вместе с другими волхвами собрался на поклонение и великий персидский мудрец Артабан. Он продал все свои имения, богатый дом в столице и на вырученные деньги купил три драгоценных камня: сапфир, рубин и жемчужину. Громадной цены стоили эти камни; целое сокровище было заплачено за них, зато и красота их была редкостной. Один сиял, как частица голубого неба в ясную звездную ночь; другой горел ярче пурпурной зари при восходе солнца; третий белизною превосходил снежную вершину горы. Все это, вместе с сердцем, полным самой горячей, беззаветной любви, Артабан думал сложить у ног рожденного Царя истины и добра.

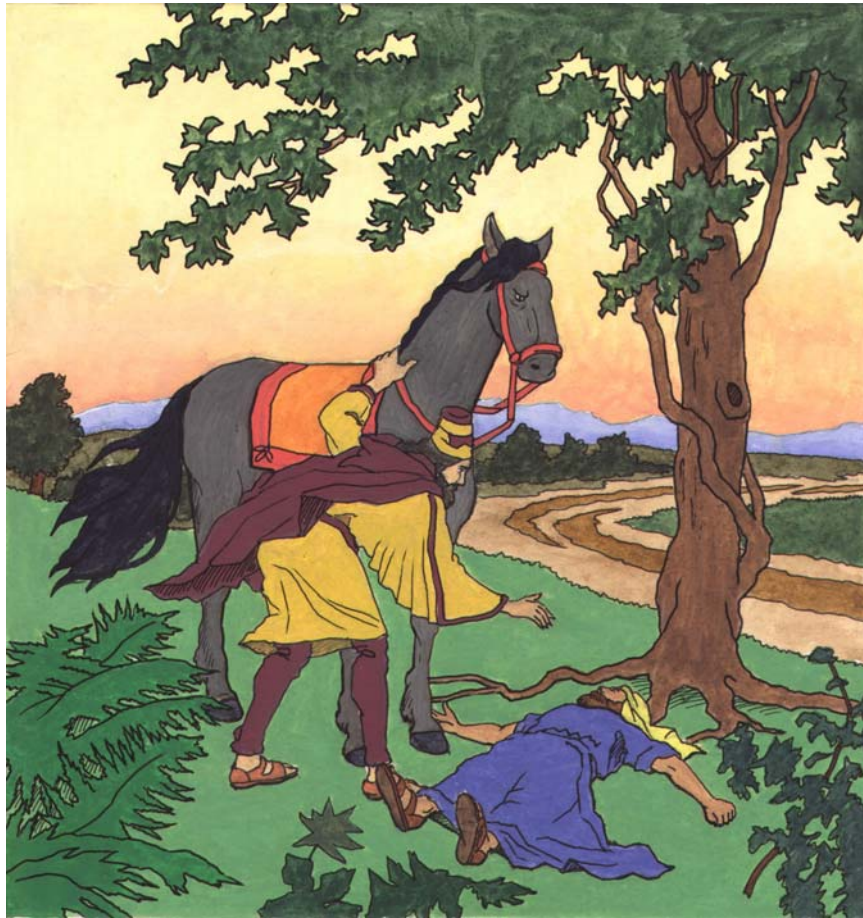


Собрал в своем доме Артабан в последний раз близких друзей, простился с ними и отправился в путь. До места сбора надо было ехать несколько дней, но Артабан не боялся опоздать. Конь под ним был борзый и крепкий, время он высчитал точно и каждый день исправно проезжал необходимый конец. В последние сутки ему оставалось несколько десятков верст, и он хотел ехать всю ночь, чтобы засветло прибыть к назначенному месту.



Верный конь бодро ступал под ним; ночной ветерок навевал прохладу; над головой, в бесконечной дали небосклона, как яркая лампада пред престолом Бога, сияла новая звезда.

— Вот он знак Божий! — говорил себе Артабан, не сводя глаз со звезды. — Великий Царь идет к нам с неба, и я скоро, Господи, увижу Тебя. Быстрее, мой друг! Прибавь еще шаг! — подбадривает он своего коня, ласково трепля его по гриве.



И конь наддавал ходу; громко и часто стучали его копыта по дороге среди пальмового леса. Мрак начинал редеть; кое-где слышалось чириканье просыпающихся птиц. Чужаясь близость наступающего утра. Вдруг конь остановился, захрапел, стал пятиться назад. Артабан пристально взгляделся в дорогу и увидел распростертого человека. Он быстро слез на землю, подошел к лежавшему и осмотрел. То был еврей, обессиленный страшным припадком ужасной в тех местах лихорадки. Его можно было бы принять по виду за мертвеца, если бы не слабый, едва слышный стон, который изредка протяжно вырывался из запекшихся уст.

Артабан задумался: ехать мимо, торопиться к сборищу, оставить больного — не позволяет совесть; а остаться с евреем, чтобы поднять его на ноги, надо потратить много часов; опоздаешь к условленному часу, уедут без тебя.

— Что делать? — спрашивал себя Артабан. — Еду, — решил было он и занес даже ногу в стремя, но больной, словно чуя, что его покидает последняя помощь, застонал так тяжко, что его стон болью отдался в сердце волхва.

— Боже великий, — взмолился он. — Ты знаешь мои мысли, Ты знаешь, как я стремлюсь к Тебе; направь меня на правый путь. Не Твой ли голос любви говорит в моем сердце? Я не могу проехать мимо; я должен помочь несчастному еврею.

С этими словами волхв подошел к больному, развязал ему одежду, принес из соседнего ручья воды, освежил ему лицо и запекшиеся уста, достал из притороченного к седлу тюка какие-то лекарства, которых там был большой запас, подмешал к вину и влил в рот еврею; растирал ему грудь и руки и так целые часы провел над больным.



Заря давно миновала, солнце уже высоко поднялось над лесом; время близилось к полудню. Еврей пришел в себя, поднялся на ноги и не знал, как благодарить доброго незнакомца.

— Кто ты? — спрашивал Артабана еврей. — Скажи, за кого я и вся моя семья будем молить Бога до последних наших дней? И почему лицо твое так печально? Какое горе сокрушает тебя?

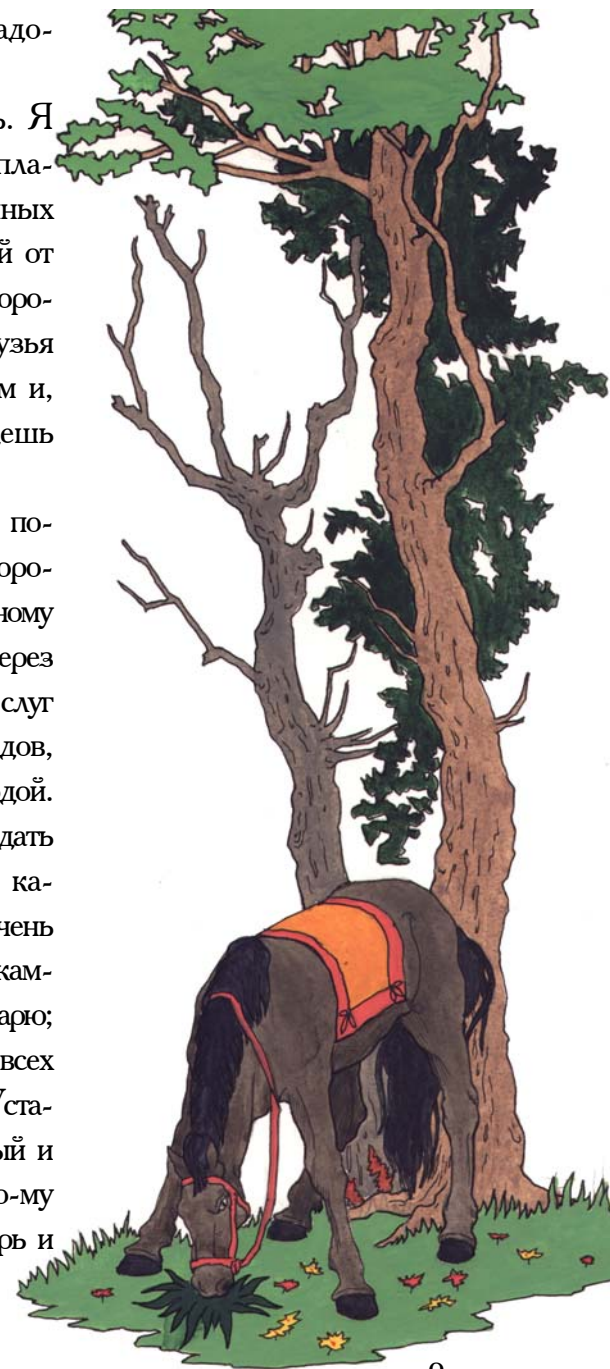
Артабан с грустью поведал, кто он, куда едет и что теперь он, наверное, опоздал.

— Мои товарищи, конечно, уехали одни, — говорил он, — и я не найду, не увижу желанного Царя.

Лицо еврея озарилось радостью.

— Не грусти, благодетель. Я могу тебе хоть немногим отплатить за твое добро. В священных книгах сказано, что обещанный от Бога Царь правды родится в городе Вифлееме. Пусть твои друзья уехали; ты поезжай в Вифлеем и, если Мессия родился, найдешь Его там.

Еврей простился, еще раз поблагодарил и пошел своей дорогой. Артабан вернулся назад: одному нечего было и думать ехать через пустыню, — надо было взять слуг для охраны, закупить верблюдов, забрать провизии, запастись водой. Прошла неделя. Пришлось продать один камень, чтобы снарядить караван, но Артабан этим не очень печалился: оставалось еще два камня. Главное, не опоздать бы к Царю; и он торопит слуг, спешит изо всех сил. Вот, наконец, и Вифлеем. Усталый, запыленный, но счастливый и веселый подъезжает он к первому же домику, быстро входит внутрь и осыпает хозяйку вопросами:





— Не были ли здесь, в Вифлееме, пришлые люди с Востока, к кому они обращались и где они теперь?

Хозяйка — молодая женщина — кормила грудью ребенка и сначала смутилась видом незнакомца, потом успокоилась и рассказала, что несколько дней тому назад приходили сюда какие-то чужеземцы, отыскивали Марию из Назарета и принесли Ее Младенцу богатые дары. Куда они делись — неизвестно; а в ту же ночь скрылись из Вифлеема и Мария с Младенцем и Иосифом.

— В народе толкуют, что они ушли в Египет, что Иосифу был сон и что Господь велел им удалиться отсюда.

Пока мать говорила, ребенок сладко заснул, и чистая улыбка играла на его прекрасном и невинном лице. Артабан не успел еще обдумать, что ему делать, как вдруг на улице послышались дикие крики, лязг оружия и надрывающий душу женский плач. Полураздетые, простоволосые женщины с искаженными



от ужаса лицами, бежали куда-то вдоль селения, неся своих малюток, и вопили: «Спасайтесь! Солдаты Ирода убивают наших детей».

Лицо молодой женщины побледнело, глаза расширились. Прижав к себе спящего крошку, она могла сказать только:

— Спаси, спаси ребенка! Спаси его, и Бог спасет тебя.

Артабан, не помня себя, бросился к двери; там, за порогом, стоял уже начальник отряда, а за ним виднелись зверские лица воинов, державших мечи, окрашенные кровью невинных младенцев. Рука Артабана как-то сама рванулась к груди; он быстро достал из-за пазухи мешок, выхватил драгоценный камень и подал начальнику отряда.

— Возьми камень и иди отсюда; оставь женщину и дитя в покое.

Тот отроду не видал такой драгоценности, жадно схватил камень и быстро увел своих воинов в другое место доканчи-

вать страшное дело. Женщина пала перед Артабаном на колени и голосом, идущим от сердца, говорила:

— Да благословит тебя Бог за моего ребенка. Ты ищешь Царя правды, любви и добра, да воссияет пред тобою Его лик, и да взирает Он на тебя с тою любовью, с какою я теперь смотрю на тебя.



Бережно поднял ее на ноги Артабан и слезы не то радости, не то грусти текли по его щекам. «Боже истины, прости меня! Ради этой женщины и ее ребенка я отдал предназначенный Тебе камень. Увижу ли я когда-нибудь Твой лик? И здесь я опоздал опять. Пойду вслед за Тобою в Египет».

И долго бедный волхв ходил, отыскивая Царя правды; прошел он много стран, много перевидал разного народу, а искомого Царя найти не мог. И больно сжималось его сердце, не раз он плакал горькими слезами. «Господи! — думалось ему, — сколько везде горестей, муки, несчастий! Скоро ли Ты явишь Себя, облегчишь людям жизнь?»

Что мог, он делал сам: лечил больных, помогал бедным (от продажи первого камня у него остались большие деньги), утешал несчастных, навещал узников, и годы его за этими трудами убегали так быстро, как бежит челнок ткача по выработываемой ткани. Последнюю жемчужину он бережно хранил у сердца, надеясь хотя бы ее поднести в дар Царю, когда Его отыщет.

Прошло тридцать три года, как Артабан оставил родину. Стан его сгорбился, волосы побелели, глаза померкли, руки и ноги ослабели, а в сердце по-прежнему горела любовь к Тому, Кого он искал с давних пор. И прослышал тут престарелый волхв, что в Иудее появился Посланник Божий, что Он совершает дивные дела, воскрешает мертвых, а отверженных грешников и отчаянных злодеев делает святыми.

Радостно забилося усталое сердце Артабана. «Теперь, — думает он, — я найду Тебя и послужу Тебе».

Приходит в Иудею; весь народ идет в Иерусалим на праздник Пасхи. Там и Сам Спаситель, Которого чае видеть волхв.

С толпами богомольцев достигает Артабан священного города и видит на улицах большое движение: людской поток куда-то неудержимо льется; все бегут, друг друга обгоняют.

— Куда это спешат люди? — спрашивает Артабан.

— На Голгофу! Так за городом называется холм. Там сегодня вместе с двумя разбойниками распинают Иисуса из Назарета, Который называл себя Сыном Божиим, Царем Иудейским.

Упал на землю Артабан и горько зарыдал.

— Опять опоздал. Не дано мне видеть Тебя, Господи! Не привелось и послужить Тебе. А, впрочем, может быть еще не совсем поздно, подойду к Его мучителям, предложу им мою жемчужину и, быть может, они возвратят Ему свободу и жизнь.

Поднялся Артабан и, как мог, поспешил за толпой на Голгофу. На одном из перекрестков ему преградил дорогу отряд солдат. Воины тащили девушку редкой красоты в тюрьму. Она увидала волхва, по одежде признала в нем перса и ухватилась за край его одежды.

— Сжался надо мною! — молила она. — Освободи меня. Я с тобой из одной страны. Мой отец приехал сюда по торговым делам, привез с собой меня, заболел и умер. За долги отца меня хотят продать в рабство, обречь на позор. Спаси меня! Избавь от бесчестья, молю тебя, спаси!

Задрожал старый волхв. Прежняя борьба, как в пальмовой роще при встрече с больным евреем и в Вифлееме во время избиения детей, снова вспыхнула в сердце: сохранить ли камень для Великого Царя или отдать в помощь несчастной? Жалость к бедной невольнице взяла верх.

Достал Артабан с груди последнюю жемчужину и дал ее девушке:

— Вот тебе на выкуп, дочь моя. Тридцать три года я берег это сокровище для моего Царя. Видно, я не достоин поднести ему дар.

Пока он говорил, небо заволокло тучами, среди дня тьма легла над землею; земля словно тяжело вздохнула, затряслась; загремел гром, молния прорезала небо от края до края; послышался треск; задрожали дома, стены покачнулись; дождем посыпались камни. Тяжелая черепица сорвалась с крыши и разбила голову старику.



Он повалился на землю и лежал бледный, истекая кровью. Девушка наклонилась к нему, чтобы помочь. Артабан зашевелил губами и стал что-то шепотом говорить; глаза его открылись, засветились радостью, по лицу разлилась кроткая улыбка. Казалось, умирающий видит кого-то незримого перед собою и беседует с ним. Девушка нагнулась близко к волхву и услышала, как он прерывающимся шепотом говорил:

— Господи! Да когда же я видел Тебя голодающим и накормил; когда видел жаждущим и напоил? Когда я приютил Тебя странником, одел нагого Тебя? Тридцать три года, блуждая из страны в страну, я искал Тебя и ни разу не видел Твоего лица, не мог послужить Тебе, моему Царю, на земле.

Старик замолк, грудь его тихо вздымалась. Сквозь нависшие тучи пробился луч солнца и осветил лицо волхва. Подул тихий ветерок, мягко шелестя волосами умирающего, и вместе с этим ветром, словно на крыльях его, откудато с выси донесся ласковый голос:

— Истинно говорю тебе: все, что ты сделал нуждающимся братьям твоим, ты сделал Мне.

Лицо Артабана преобразилось: на него легла печать величавого спокойствия и самой светлой, полной радости; он облегченно вздохнул всей грудью, благодарно поднял к небу свои очи и навеки почил. Кончились долгие странствования старого волхва; нашел, наконец, Артабан Спасителя, были приняты и его дары.

